

18+

ГЕННАДИЙ ЛОГИНОВ

Мотылёк

Геннадий Логинов

Мотылёк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25723822

ISBN 9785448565793

Аннотация

Каким бы творчеством ни увлёкся человек – всегда найдутся те, кто с непоколебимой уверенностью заявит: «Это всё несерьёзно. Чушь. Пустая трата времени. Да ещё и бездарно». Рано или поздно время всё расставляет по своим местам. Но даже если творчество не обретает признания, захватывая умы и сердца миллионов, – никто не в праве запрещать человеку заниматься тем, к чему лежит его душа, если это его окрыляет без вреда для окружающих.

Мотылёк

Геннадий Логинов

*Наше счастье всегда в полёте. Нет гнезда у него,
только крылья.
Поль Элюар*

© Геннадий Логинов, 2020

ISBN 978-5-4485-6579-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глубокая мысль долгое время переплывала из века в век контрабандной, сокрытая от посторонних взглядов в трюмах книжных кораблей. Достигнув очередной гавани, она принялась кочевать от сознания к сознанию, множась и пробираясь меж зарослями слов и дебрями страниц, где лишь внимательный и опытный охотник мог уловить и поймать её в свои силки. Одним из этих охотников оказался поэт, проживавший в доме, изукрашенном наскальными росписями современных неандертальцев.

Поэт отличался необычностью стиля и формы повествования, совмещая в простых и понятных каждому образах серьёзные рассуждения о богословии, философии, истории, политике, искусстве и фольклоре, объединяя их необычным,

подчас парадоксальным образом. Разумеется, многие поэты не были оригинальными в своём стремлении быть оригинальными, но в данном конкретном случае необычность и новаторство не были сознательными задачами, а просто рождались, естественно и непринуждённо, в процессе обсуждения близкого и важного для поэта.

Вольтер отстаивал право на жизнь за любой литературой, кроме скучной. Флобер признавался, что всегда мечтал написать произведение ни о чём. Алан Роб-Гриэ полагал, что настоящему автору сказать нечего, ему важнее не сказано, а . Хемингуэй, считая, что хорошее произведение демонстрирует лишь поверхность сокрытого айсберга, вместе с тем заявлял, что автор ограничен тем, что удовлетворительно было сделано до него другими. Бодлер утверждал, что поэзия имеет своей целью только себя (и других целей она иметь не может), что вовсе не означает, что её конечный результат не должен облагораживать нравы и возвышать человека над уровнем обыденных интересов, но лишь то, что поэзия под страхом смерти или упадка не может ассимилироваться со знанием и моралью, и если автор ставит перед собой какие-то чёткие цели и задачи – он ослабляет этим свою поэтическую силу. И хотя они все были выходцами из разных культурных измерений и поэт далеко не во всём был с ними солидарен, можно было предположить, что они скорее бы поддержали и поняли его начинания, чем большинство окружающих. *что как*

Творческая парадигма поэта объединяла почти в каждом творении оригинальный выбор персонажа (которым могла быть хоть табуретка), оригинальную ситуацию (при которой табуретка, например, зацвела бы и начала плодоносить потомством в виде целого набора мебели), оригинальное повествование и оригинальную концовку. Мирская суета при этом была показана зыбкой, хрупкой и иллюзорной на фоне вечного, в то время как авторский слог изобиловал сатирой, гротеском, аллегориями, метафорами, свободными ассоциациями и психологическим «полуавтоматизмом», объединявшим сознательное с бессознательным. Поэт по возможности не указывал имени персонажа, места и времени действия, хотя это правило и не являлось железным. Не будучи любителем навешанных ярлыков, ценивших всевозможными сторонниками мнимого комфорта, поэт не относил свои опусы к какой-либо школе или течению, но, просто желая отвязаться от наиболее настырных дознавателей, называл свою манеру письма «инверсионизмом».

Название «инверсионизм», не имеющее ровным счётом никакого отношения к сионизму, происходило от латинского слова «*inversio*», означавшего переворачивание и перестановку, что могло быть применимо как к стилю, так и к содержанию. Игра смыслов и ракурсов восприятия, переходящих из одного положения в другое, переворачивание привычной логики с ног на голову, перестановка и смещение образов, и так далее, и тому подобное. Не желая следовать за неисто-

вым табуном подражательности, поэт следовал своим путём, замечая и избегая штампы, либо сатирически, но незлобно, осмеивая их.

Подчёркивая неутилитарное значение искусства, он полагал эмоционально-чувственное восприятие и недискурсивный способ познания столь же ценными, как умозрительно-логический подход, не противопоставляя одно другому, вместе с этим полагая, что за своё творение не должно быть стыдно перед Богом и, следовательно, перед остальными. Любое художественное произведение должно было нести в себе правду, и здесь необходимо было избежать распространённой подмены понятий, поскольку правда, даже и облечённая в самые фантазмагорические метафоры, оставалась правдой, в то время как ложь, даже и описанная с натуралистичностью судмедэксперта, оставалась ложью.

В стихах и поэмах молодого инверсиониста на поверхность из вод ирреальности поднимались вневременные, вечные темы. Их написание напоминало процесс управления сновидениями, представляющими собой особую систему ассоциаций, символизированную действительность, смывающую пыль повседневности посредством необычного ракурса, помогавшего приготовить пищу для ума и для сердца. Признавая важность сознательного, поэт признавал и важность бессознательного, представлявшего собой код манифестации сознания, но не противопоставлял одно другому, совмещая их воедино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.